

Ольга Коренева

Остаток ночи в её бокале

Экстрим-романы

18+

Ольга Александровна Коренева

Остаток ночи в её бокале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65674653

SelfPub; 2021

Аннотация

Удивительная, мистическая, Божья страна Россия, непостижимая и многообразная, и порой происходят в ней чудеса. Удивительны и чудесны судьбы людские. Ну, в общем, эта книга – женщинах, о их душах, метаниях, желаниях, о их выборе, о их одухотворённости. О москвичках в основном. Ведь Российская Москва – это особая часть света. А есть, говорят, ещё Москва американская. Не знаю, не была. Слышала.

Содержание

Автор о себе	4
А ветер пасёт облака	10
Звёзды – косточки в плоти неба	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ольга Коренева
Остаток ночи в её бокале

Автор о себе

Светящиеся точки звезд прожгли черноту неба, и новорожденные души прорвались в эту жизнь. Вместе с ними в ту зимнюю полночь вошла в этот мир и я. Старенькая уборщица закрыла форточку замоскворецкого роддома и сказала:

– Морозища-то какой, с праздничком вас со святым-то,

сегодня ж божий день «Нечаянная радость»...

Наступило 22 декабря, наша планета переместилась под созвездие Кассиопеи.

Говорят, что младенцы не понимают человеческую речь, и видят все вверх тормашками. Неправда. Я все видела нормально, а не кувырком. И даже что-то понимала. Одного лишь не могла понять – того, что в жизни мне придется круто и солоно, но орала во всю глотку, видимо предчувствуя что-то.

Верно, что писателями становятся люди со сложными судьбами. В моей третьей книге «Не грусти, гад ползучий» есть автобиографическое эссе, в котором я упомянула о некоторых своих злосчастиях, хотя писала, в основном, о светлых моментах своей жизни. Уже в зрелом возрасте поняла – чтобы быть счастливой, не надо желать себе легкой судьбы...

Я росла в годы застоя. После окончания школы работала секретарем-машинисткой в Мингазпроме, и как-то раз, «подшивая» газеты, увидела в одной из них объявление о конкурсе на лучший короткий рассказ. Я с детства пописывала коротенькие новеллы о забавных житейских случаях. И вот я их все перепечатала и послала прямо с работы через «отдел экспедиции», чтобы вернее дошли. И очень удивилась, получив вызов в Литературный институт – ведь новеллы-то я посылала вовсе не туда, а в газету. Как все это в Литинститут попало, до сих пор для меня загадка. Но с той поры

я поверила в существование прекрасных бескорыстных людей, которые потом не раз встречались на моем пути, храни их Бог. С того дня судьба моя резко развернулась в сторону творчества. Моим окружением стали писатели, художники, артисты, музыканты. Я стала ходить в театр, который рядом с институтом. Мой первый рассказ был напечатан в журнале «Знамя» – он находился тоже рядом с институтом. Я училась на семинаре прозы, много писала. Моя первая книга вышла в самом крупном тогда в стране издательстве «Советский писатель», это было чудо, ведь молодых в те годы почти не печатали. Книга называлась «Белая ласточка», это был довольно большой сборник рассказов и повестей, и я взяла себе псевдоним Ольга Астахова, твердо веруя в магию слова. Решила, что такой псевдоним принесет удачу, за нее я получила премию Лучшая книга года. Но удача оказалась недолгой. В те времена у меня появились новые знакомые, и я узнала много интересного об их жизни. О себе я ничего никогда не рассказывала, так как была чрезмерно застенчива.

Со второй книги я решила стать самой собой, Ольгой Кореневой. У меня вышли сборники «Предчувствие чудес», «Нашептанное счастье», «Не грусти, гад ползучий», «Интимный портрет дождя», роман «Капкан на тень луны» (за него меня наградили премией Золотое перо Московии 1-ой степени это было в 2004 году), и т.д. Но это уже позже, в нашу «демократическую» эпоху.

Окончив институт, я рецензировала, работала корреспон-

дентом в журналах и газетах, но всегда предпочитала внештатную работу, так как люблю свободный стиль жизни. Новые времена позволили мне стать безработной, свободной и неприкаянной, чтобы написать новый большой роман обо всем теперешнем. За этот роман (детектив «В барханах песочных часов») я получила вторую премию на конкурсе "Русский детектив" (номинировал Георгий Вайнер), и подписала договор на издание книги с издательством «АК-пресс». Правда, роман сильно сократили, вырезали всю эротику и юмор, и редактировала малограмотная редакторша, которая вырывала целые куски текста. Я не согласилась с редактурой, и расторгла издательский договор. Второй роман тоже решила не издавать у них. В дальнейшем я написала ещё несколько экстремальных романов, и закончила работу над Экстремальными мемуарами «Интимный портрет дождя, или Личная жизнь писательницы» (ранее они были изданы в сокращённом варианте).

Очень надеюсь когда-нибудь найти своего издателя, если на то будет воля Божья. А может, издатель найдет меня. Я – член Союза Писателей России, имею также награды за поэзию – Золотую Есенинскую Медаль, Лермонтовскую медаль, Медаль Звездная Строфа, медаль за Верность отечественной литературе, и другие.

Контакты

<mailto:ok63@bk.ru>

Тел.: 8 926 239 94 95

А ветер пасёт облака

Экстрим-мини-роман

(Здесь всё правда. Имя главной героини изменено. События сдвинуты во времени. А вообще – всё так и было).

– А ты ручки дверей моешь?

– Нет.

– Да ты что? Представляешь, сколько там микробов!

– А чем тебе не угодили мои микробы? Это мои домашние животные, только очень мелкие. И вообще, в своей квартире я мою, что хочу, – ответила она и взглянула на него снова. Высоченный, квадратный, пушистоголовый, Сашка был похож на гигантскую белку с неестественно прямой спиной и длинными конечностями. Она сегодня видела одну, правда, нормальную, белка волокла в зубах нечто крупное, чёрное, это была птица, причём, такого полуразложившегося вида. Белка плюхнула её на газон и стала жадно грызть. Жрать. Пушистая симпатичная белочка. Когда Рита подошла поближе, рассматривая и удивляясь, белка быстро ускакала, оставив добычу на жухлом газоне.

Сашка прошёл в ванную. Он шумно мыл руки. Потом двинулся в кухню. Плюхнулся на стул. Стул жалобно пискнул. Так запросто, по-соседски, пришёл. Поесть и выпить. Знает,

что у Риты всегда есть борщ наваристый, густой, ароматный, и хорошо заваренный душистый чай. Раньше он рассказывал что-нибудь эзотерическое, иногда – эпизоды из своей жизни, или про друзей. Развлекал. Но потом ему стало лень. Садился, включал телик, ждал, когда перед ним появится тарелка борща, бутерброд с колбасой, рюмка настойки (Рита настаивала на водке алоэ с золотым усом и имбирём, на случай болезни). Все её настойки выпивал Сашка. Он допоздна торчал у неё, не желая уходить, ждал интима. Но всё уже давно закончилось с их близостью, после того, как Рита разочаровалась, как пропало удивление, радость, вспышка восторга и любви. Он оказался просто Сашкой -соседом, хитроватым и мелочным, в общем-то, типом. Хотя, может, она и ошибалась. А за большими окнами её квартиры висели платья облаков, подцвеченные луной, к ним были прицеплены золотые серёжки звёзд. Ночь наполнила её душу лёгким вином грусти. Уже поздно, а он всё торчит здесь, за столом, развалился на стуле и смотрит телик.

– Ну, всё, пока. Пока-а! Я спать хочу! – сказала она. – Иди уже.

– Погоди, тут интересно.

– У тебя же свой телик есть.

– Налей ещё настойки.

– Больше нет, ты всё выпил.

– Что ты думаешь об искусственном интеллекте?

– Думаю, он не страдает бессонницей, как и я, впрочем.

– А я считаю, что полноценный искусственный интеллект, это, знаешь, пипец для человечества. И вообще, люди не выживут, если не покинут Землю в течение тысячи лет.

– Ладно, через тысячу лет я покину Землю. Обещаю. Даже раньше. Иди домой.

Она выключила телик.

– Что ты вредничаешь? Я тебе вчера лампочку ввернул. Налей мне чай, что ли.

– Чай кончился. Ну иди, иди уже. Всё, сцена погасла, задёнулся занавес.

Он нехотя поднялся. Долго возился в прихожей, медленно натягивал кроссовки, завязывал шнурки так, словно они превратились в змей и выскальзывали из рук. Рита буквально вытолкала его за дверь. Вернулась на кухню, подошла к окну. Ночь сминала стебли фонарей. Ночь расплывалась под колпаком луны. Ночь будоражила воспоминания, просеянные сквозь сито времени. И вдруг пронзительно заорала ворона, ей ответила вторая. Похоже, они ругались. Где-то внизу, в зарослях ветвей, на деревьях. А Рита высоко над ними, почти под луной, на последнем этаже многоэтажки плыла в этом ночном веществе. Ворсистый тёмный бархат неба дышал свежестью и вечностью. Ей хотелось потеряться в этом небе, а луна была так бледна и минорна. Как грустно. И память принялась высвечивать картинки прошлого, но она мысленно перелистнула их, как на экране смартфона, и оставила одну: лето, поздний вечер, она – измученная тяжё-

лыми событиями развода и освобождения от мужа-алкаша (он потребовал за это два ящика водяры), бредёт по парку. Праздник, дискотека, какие-то пляски на площадке под фонарями. Она отошла, устало села на скамейку поодаль. Звуки эстрады, хохота, радости успокаивают и умиротворяют. Мимо проходят обнявшиеся парочки, обдают запахами разгорячённых тел и парфюма. Вот она встала и побрела дальше. Примостилась на отдалённой скамейке в темноте. Ощутила, как рассеивается, отступает усталость. Какое-то отупение накатило, ступор. И вдруг в кустах – шорох. Из рощи возникает высокий мужик в спортивном костюме, лица не видно. Испугалась не на шутку, первая мысль – маньяк, сейчас схватит, придушит, уволочёт в густую глубь деревьев. А люди – далеко, грохот дискотеки, не услышат, не придут на помощь. Она съёжилась. И тут – его голос:

– Привет! Ты что, не узнаёшь?

– Т-темно, не видно.

– А ты вообще меня узнавать перестала, я тебя видел, здоровался, а ты словно сквозь смотришь, или в сторону.

– Да? Я тебя не видела. Думала – уехал. А ты куда пропал-то? Ты же подо мной живёшь?

– Жил. Шесть лет назад. Развёлся, разменялся, теперь вот в угловом подъезде. Не знала, что ли? А ты как?

– Развелась.

– Разменялась?

– Нет, квартира-то моя. А бывший переселился к подруж-

ке-алкашке в Бирюлёво, им хорошо вместе, родственные души. А ты что тут делаешь?

– Цигун. Хочешь, давай, вместе.

– А как?

– Пошли, тут отличное место меж деревьев. У тебя упадок сил, нужна подпитка.

– Как ты угадал?

– Почувствовал.

Пошла с ним вглубь рощи. Между деревьями встали друг против друга. Она повторяла за ним плавные движения. Медленно, словно под водой. Это успокаивало, убаюкивало, и его мягкий уравновешенный голос, его пояснения ободряли и радовали. Потом они вытянули над головами руки и стали закачивать в себя энергию Космоса. А над ними висела огромная яркая луна. Июнь, полнолуние, ночь, тепло и нежно. Его лицо в лунном свете, его большое сильное тело движется словно в нереальном медленном танце. Фантастично, волшебно, прекрасно! Он великолепен! Он – гуру, и она уже любит его. Её захлестывают волны желания. Она тонет в этих волнах. А он не чувствует, не замечает. Не хочет замечать? Он заиклен на медитации. Он говорит:

– Мысленно подключись к космической энергии. Представь себе высоко-высоко в Космосе ярко светящийся шар. Это сгусток энергии. Представила? Ясно представила? Ты его видишь, чувствуешь? А теперь тяни из него светящуюся серебристую нить, втягивай её в себя. У тебя в солнечном

сплетении возник серебряный шарик света, и в него входит эта нить, по ней идёт свет и тепло, и разливается по всему телу внутри тебя, чувствуешь?

О, да! Она видит этот тёплый свет внутри себя, во всех своих органах, в каждом закоулочке своего тела! Как это прекрасно! Какая лёгкость, она сейчас взлетит, вспорхнёт, как птица!

Ночные птицы запели, остро запахло травой и листьями! Саша великолепен, у него потрясающие пропорции тела, он гармоничен, он такой, такой!!!

А потом они идут к ней домой, уже утром. Да, тогда он был другой, озарённый, горячий. Период после развода, долгий период, когда он нырнул в йогу. Как он был хорош!.. Пока не превратился в жиголо. Кто-то его подцепил и развратил. Какая сучка развратила Сашку?

И она перелистнула это, словно на экране смартфона.

Рита приняла душ, и мокрая, голая нырнула под одеяло. Ей снился океан, горячие воды ласкали её тело, и две большие серебряные рыбы кричали как вороны... Проснулась поздно. Окно – настежь, шторы раздуло ветром, и на белых прядях небосвода качался ультрамариновый платок. Она жила в небе, ведь на её восемнадцатом этаже из окон было видно только оно, лишь это бесконечное небо, оно всегда было перед глазами, а земля – та далеко, в самом низу. Рита любила своё небо. И свой парк – этот, рядом, через дорогу. Там были пруды, кафушки, беседки, аттракционы, га-

зоны с цветами, рощи. Там она познакомилась с этой харизматичной пожилой дамой, у которой были слишком юные яркие глаза цвета переливчатого камня чаройта. И молодое лицо без единой морщинки. Такое вот персиковое лицо было и у Ритиной бабушки – самого любимого на свете существа. Смерть бабушки потрясла Риту, и она инстинктивно стремилась заполнить образовавшуюся ужасную пустоту. Знакомство с общительной пожилой дамой немного отвлекло её от горя. У неё было необычное имя. Но Рита мысленно окрестила её Чаройтой – за цвет глаз, за особую харизму, за очарование. Её все знали и любили. Она была большая приколыщица. Она каталась на Ритином самокате, скакала на аттракционной лошадке. В общем, отрывалась по-полной. В праздники они с Ритой танцевали на дискотеке возле сцены, и хохотали. А ещё там была вторая, немного старше, восьмидесяти семи лет, сухопарая и крепкая, быстрым ходом рассекала она парковые дорожки, и купалась в пруду с мая по октябрь. Летом она дни напролёт пеклась на солнце и покрывалась южным загаром. Есть такие люди – солнцееды, они питаются солнцем. Видимо, она была из их породы. Рита так и прозвала её – Солнцеедка. Их там было несколько. Это очень забавляло Риту. Солнцеедка была большая модница – каждый день в новых прикидах, с разными причёсками. Лицо красивое, но в сеточке морщин. Компанию ей составляла пятидесятипятiletняя кошатница – у той было тридцать восемь персидских кошек в двухкомнатной квартире,

где она жила с взрослым сыном. Сын не женился, не гулял с девушками, был полностью подвластен матери – крупной кудрявой брюнетке, очень своеобразной и властной. Иногда та выгуливала какую-нибудь свою огромную пушистую кошку – в переноске. Кошка была тяжёлая. А ещё, по парку прогуливалась длинноногая девица с удавом. Удав был большой, упитанный, он обвивал торс своей хозяйки, головой – на её плече. И было полно народу с собаками всех мастей и размеров, с детьми, с инвалидами. Детей, собак и инвалидов было много.

Наверно, в парке Рита потеряла свой замечательный брелок – кожаный, круглый, с ярким радостным узором. Она купила его у уличного торговца всякой ерундой. У молодого мексиканца. Брелок был мягкий и тёплый, она прицепила его к сумке. И очень радовалась. А потом он пропал. Брелок. Так обидно!

Рита приняла ванну с душистой пышной пеной, завернулась в огромное оранжевое полотенце, и босиком прошлёпала на кухню. Сейчас ей захотелось кофе с молоком. И она долго и с удовольствием пила его, вприкуску с шоколадными конфетами. Потом натянула джинсы, майку и ветровку, накинула на плечо ремешок сумки, покрутилась возле зеркала. Как всегда, убедилась, что хороша. Ей очень шла короткая стрижка, открывающая длинную тонкую шею и маленькие ушки великолепной формы. У неё были красивые скулы и длинные ноги. Она вышла, захлопнула дверь квартиры,

спустилась в лифте. Хотела, как всегда, перекинуться приветствием с консьержкой. Но дверь консьержкиного закутка была распахнута. А сама она была снаружи, и с перекошенным лицом барабанила в стекло подъезда. Рита удивлённо открыла ей.

– Что случилось, Иветта Максимовна? – спросила она.

– Ключ пропал, – ответила та расстроено. – А мне сейчас смену сдавать, а ключа нет. Вот в подъезд попасть не могла.

– А где вы его могли оставить? – спросила Рита. – На столе, под столом? Давайте поищем.

Она вошла в консьержкину конурку. На столе были хаотично разбросаны какие-то журналы, рекламки. Рита порылась там. И увидела ключ. На нём был знакомый брелок.

– А это моё! – воскликнула она, и обрадовано сжала пальцами приятную мягкую кожу. – Я его потеряла в прошлом году.

– Ну, не знаю, – ответила Иветта Максимовна.

– Он мой! – вскричала Рита.

– Его моя сменщица нашла здесь, на полу. Может, и ваш, не знаю.

– Мой, точно. Он у меня на сумке висел.

Она отцепила брелок от ключа и присобачила к своей сумке, на прежнее место. Ей стало весело. День начинался отлично! Минула круглая ночь, и пришёл квадратный день. В нём была завязь синего неба, звон облаков, и расплывчатый желток солнца! И в каждом уголке этого квадрата было по

многоугольнику, а в них – ещё что-то, необъяснимое и загадочное! Это предстояло разгадать. Рита шла легко, пружинисто, слегка покачивая бёдрами. Тянулась лицом к солнцу, жмурясь и улыбаясь. Светофор, дорога, парк, ворота, деревянный домик охранников, аллея, скамейки, аттракционные машинки выстроились в ряд. Мужчина с красавцем хаски на поводке. Яркая азиатка с шестью детьми. Рыжеволосая женщина катит старушку в инвалидном кресле. Старушка безвольно свесила руки. Рита вспомнила бабушку. Неделями жила у неё, спасаясь от запойного мужа. С трудом от него отделалась. Квартира Ритина была опустошена, всё пропито. А потом у бабушки случился инсульт. Пришлось уйти с работы, чтоб ухаживать. Оформила ей инвалидность. Нашла себе работу в интернете – создавала вирусные ролики. Удавалось сводить концы с концами – небольшой гонорар плюс бабушкина пенсия. Тяжело было, мучительно. Семь страшных лет. Смерть бабушки, похороны, волынка со вступлением в наследство, депрессия. Потом попытка вернуться на работу в фирму. Отдел кадров – «вакансий больше нет», кабинет начальника: «Что-нибудь придумаем, оформим, если пойдёшь навстречу» – поворот ключа в двери кабинета, расстёгнутая молния джинсов, и... Да он же онанист! Фыркнула, отскочила, взлёт жемчужной струи... И бегом домой, домой, домой!

Догадалась сдать в аренду бабушкину квартиру. Приспособилась. На жизнь теперь хватало. Расслабилась. Вот оно, счастье! Просто жить, независимо, спонтанно. Свобо-

да! Только память, она тянет вниз, в страшное, в горе. Иногда. Часто. А сейчас она шла, опыляя улыбкой цветы, озаряя встречные лица. А через парк виден был новый дом, который рос, потягиваясь, под выгоревшим льдом тёплого неба. А над ним медленно двигался серебряный аист – подъёмный кран. Она свернула на знакомую аллею. Вот и пруд. А рядом, на дорожке – деревянная уютная кафушка.

– Рита!

Обернулась. Блеснули чьи-то озорные глаза из-под джинсовой бейсболки. Чароита!

– Я так и знала, что сейчас тебя встречу – сказала она. – Идём, посидим, выпьем кофе.

Рита радостно согласилась. Они поднялись на крыльцо, вошли, и расположились за столиком в углу. Пруд за окном сказочно сиял, по нему вальяжно курсировали утки, периодически ныряя, их хвостики торчали над водой как поплавки. Они взяли кофе со сливками и пирожные. Рита поднесла пирожное ко рту, и вдруг её окатил холод воспоминания. Она сказала:

– Знаешь, самка кенгуру может, спасаясь от хищника, выбросить ему детеныша из сумки, чтобы съел и от нее отстал. Животное, что с него взять. Ужасно, когда так поступают родители.

– Забудь, – ответила Чароита. – О мёртвых либо ничего, либо только хорошее. Ведь было же хорошее что-то?

– Было. Пирожные.

– А я утром купила куриные окорочка, на упаковке было написано: «со вкусом курицы», – сказала Чаройта и расхохоталась, блестя глазами.

– Прикольно, – отозвалась Рита грустно. Улыбка её медленно гасла.

– Забудь, – повторила Чаройта. – У меня тоже, в детстве. Я жутко боялась мать. Бегу из школы, и бормочу: «Господи, Господи», хотя была атеисткой, как все. Но так боялась, что крестилась инстинктивно, вот откуда у меня это? Старалась незаметно прошмыгнуть в квартиру и нырнуть под кровать. Раньше кровати были высокие, железные, с панцирной сеткой, на них – длинные покрывала, до самого полу. У меня там была норка. Там у меня книжки, лампа. Я лежала и читала тихонечко. Пока мама не хватится.

– А она не обнаруживала это убежище во время уборки, мытья пола?

– Нет. Уборку я сама делала. Одна из моих обязанностей. Рано утром, перед школой. И младший братишка на мне висел. А старшая сестра – семь лет разницы, она была отличница, умница, слишком серьёзная, мама за неё переживала, считала, что замуж не выйдет, что «синий чулок». Её хозяйством не обременяла. Носилась с ней, блузки ей шила с рюшечками и кружевами. А я ходила в чём придётся, а потом донашивала её вещи.

– Вот как. Да-а, – сказала Рита.

И снова глянула в окно. Ей показалось, что вода в пруду

озябла, стала зыбкой и блёклой. Утки превратились в даты прошлого, смута этих дат разъедала душу. Но она тут же встряхнула из памяти всё это, отвела взгляд от окна, посмотрела на свою спутницу – с персиковым лицом, полнотелую, уютную, на губах белый штрих кремового пирожного, – и улыбнулась. Потом они медленно дефилировали по аллеям. Налетел холодный ветер, стало зябко, вдруг небо потемнело, и пошёл крупный снег, пушистые снежинки, величиной с бабочку капустницу, густо и хаотично неслись вбок и вниз.

– Вот так в нашем климате, – прокомментировала Чароита, – снег в середине мая. Только что было лето, и вдруг – зима.

Она достала из большой своей сумки две мягкие толстые шали. В красную закуталась сама, а бирюзовую протянула Рите. Чароита всегда, в любую погоду набивала сумку шальями. Таскали их с собой даже в жару. Разные – тонкие хэбэшные и шёлковые, толстые шерстяные. Она их любила и периодически в них куталась.

Мимо них промчалась с криками упитанная утка, широко разевая клюв, за ней гнались три селезня. Вся кавалькада скрылась далеко на газоне.

– Смотри, какие гады, преследуют бедную уточку, – сказала Рита.

– Это она их так завлекает, – ответила Чароита. – Могла бы улететь, так нет, бежит, да ещё вопит азартно. Соревнования тут устроила, победителю – приз!

– Ха-ха-ха!

Народ попрятался в кофейни и под навесы торговых палаток – их было много. Лишь одна пожилая дама неспешно двигалась навстречу, в молодёжной курточке, в аккуратных брючках, в туфельках на небольших каблукках, мелкими шапками.

– Всегда ходит как Офелия по сцене, – сказала Чаройта. – Моя знакомая. Я её так и прозвала – Офелия. Любительница мужчин. Своих ровесников, конечно. И санаториев. Там мужиков хватает. Видишь, идёт, глазками зыркает, ищет кавалера. А кавалеры все попрятались, ха-ха-ха!

– Неуютно стало, промозгло. Пойдём куда-нибудь.

И они направились в стеклянную кофейню на другой стороне пруда.

– А как твой сосед, этот, как его, Сашка? Всё достаёт тебя? – поинтересовалась Чаройта.

– Не то слово! – воскликнула Рита. – Мало того, я стала за него беспокоиться. Девятого, мы ещё заранее решили в парке погулять, у нас же здесь праздник! А он вдруг исчез. Звоню ему, обзвонилась, и по домашнему, и по мобильнику – молчит. Что такое? Прорезался через три дня, говорит: накануне с друзьями встречался, они подарили ему канистру хорошего коньяка. Рано утром решил выпить рюмочку, вкусно, особый коньяк, качественный, выпил ещё, и понеслось. Когда очнулся – канистра пустая, на стене на гвоздике висит гимнастёрка деда (он её всегда с собой таскает везде, дед по-

гиб на войне задолго до его рождения. Очень давно). Висит гимнастёрка, вся в слезах. Ну, ничего себе, представляешь, вылакал канистру коньяка, плакал. Гимнастёрка с орденами, я её видела, выцветшая такая вся.

– Лакал и плакал, – сказала Чароита.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку... – раздалось где-то.

– Ничего себе, кукушка завелась в наших пенатах, – удивилась Чароита. – Это она мне года считает, сколько ещё жить осталось. Кошмар!

Рита вспомнила шуточный стишок, и продекламировала:

– Не кошмарь меня, кукушка,

Я весёлая старушка,

Всё кукуешь, вот прикол!

Мне сто первый год пошёл.

– Прикольно, но не про меня, – сказала Чароита. – Я весёлая нестарушка, и год мне пошёл не сто первый, а всего лишь восемьдесят пятый. Детский возраст, ха-ха-ха! А кто написал сии вирши?

– Да не про тебя, стих называется «Соседке». Автор Ольга Коренева, суперская такая писатель и поэт. Стихи у неё многие просто класс, и романы офигенные!

– Дашь почитать?

– Увы, она есть только в интернете. Её не издают.

– Почему?

– Политика государства. Издают всякий бред, чтоб народ окончательно отупел, опупел и полностью стал управляемым

стадом. Что и происходит. А тех, кто способен думать, чувствовать и протестовать, убирают.

– Да, знаю. Вот поэтому, видимо, Сашка и плакал в гимнастёрку деда. Деда... Да-а. Он же воевал и погиб за другое государство.

– И оно было сначала... Ну, не супер, конечно, но всё-таки. А дед думал, что супер. Свободы там не хватало, и другого разного, а так ничего, нормально было. Книги были хорошие. Песни. Спектакли в театрах хорошо ставили, талантливые были актёры, знаменитые. Вечера поэзии были. Народ валом валил.

– Жаль сегодняшних малышей. Как жить будут, что из них вырастет? – вздохнула Чаройта.

– Они будут другие. Нормально будут жить, впишутся. Зато сейчас есть интернет, и связь со всем миром. Это важно. И вообще, полно всякой инфы. Интересно.

– А насчёт книг, знаешь, издают и хорошие книги иногда, – сказала Чаройта.

– Иногда, – подтвердила Рита. – Но они теряются в океане бульварщины, фейка, который широко рекламируется.

Они вошли в стеклянное кафе, и заказали чайник кракэдэ и мороженое.

Густой красный чай переливался в прозрачном чайнике. В белых керамических чашечках он был как пожар, горячий и пылающий. Подруги осторожно прихлёбывали его. В вазочках зеленели шарики фисташкового мороженого.

– Ну и что Сашка? Как вы познакомились-то? – спросила любопытная Чаройта.

– Да так как-то, случайно. В лифте. Двадцать лет назад. Нам было по двадцать пять. Ровесники. Ну вот, прикинь, девяносто пятый год, я ещё не замужем, иду с работы. Зима, на мне такое модное длинное пальто с капюшоном. Цвета густой ночи пальто. Я жду лифт. И он тоже. Разговорились. Он у себя ремонт делал. И мне кое-что потом подремонтировал. Пили ликёр, болтали. Он красив, своеобразен, у него интересные теории мироустройства, необычны и новы для меня, ну прямо такой гуру! Влюбилась. Случились отношения, близость. Он о себе много чего рассказывал, так интересно! Такая жизнь непростая! Он тогда не пил, был в завязке. Сам-то он родом из Улан-Удэ. Из рабочего квартала. Родители – строители, отец сильно пил. Там все пили в рабочих кварталах. Ну и сам он начал рано. Ещё подростком. У них компашка такая была. А был он поздним ребёнком. Мать сначала никак не могла забеременеть. И ходила вымаливала его к святым, не знаю уж к каким, к христианским или к буддистским. Город-то буддистский, Бурятия, Восточная Сибирь. Вымолила, наконец. Вот так он и родился, болезненный, хилый. Но взялся за себя потом. Занялся спортом, борьбой. Работал сперва на заводе, потом – на Севере, денег зашибил нехило. А до этого женился на такой же выпивохе из своей компашки, она загуляла, развёлся, поехал отдыхать. К морю, в Крым. Там познакомился с женщиной

намного старше себя, интересной, умной, знающей. С москвичкой. Она приобщила его к новым теориям и духовным практикам. Женила на себе. У него были деньги, ведь на Севере заработал, и у неё тоже было, сложились и купили двушку в нашем доме. Она сказала – пока не сделаешь супер ремонт, не приеду, буду жить у матери. Вот он и старался. Мы тогда и познакомились.

– Да, такая вот жизнь, – сказала Чаройта.

Они допили чай, доели мороженое. И всё сидели, неспешно беседуя. Снег за стёклами кафушки перешёл в дождь. Косые серебристые струи сплошняком заштриховали пейзаж.

– Так он женат? – спросила Чаройта.

– Нет. Жена ушла в секту, и его за собой потащила. Но он смог вырваться. Она развелась, разменяла квартиру, свою продала, и деньги в секту бухнула. Жила сперва у матери. Потом её угробила. Секту разогнали, а она сильно заболела, психика у неё сдвинулась конкретно. Квартиру матери-ну переписала на подружку-проститутку, тоже бывшую сектантку, которая потом вышла замуж за американца и уехала в Нью-Йорк. Подружка-то хитрая была, она там в секте пристроилась к нужному человеку и даже денег себе заграбастала. А Сашкина-то бывшая слегла, он ездил всё ухаживал за ней. Потом умерла. А он закончил какие-то медицинские курсы, работал массажистом, мануальщиком. Сперва в поликлинике, потом его какая-то баба в Центр Дикуля пристроила. Обеспеченные бабы стали его снимать. Содержали,

на курорты возили заграничные. На это время он увольнялся. А в межбабье снова ему приходилось работать, грешному. Но он отвык, не хотел. А приходилось. Но его быстро потом снимала какая-нибудь. А сейчас у него как раз межбабье. Но работать уже не хочет, ждёт, когда что-то подвернётся. Последняя у него банкирша была. Он думает, что она его подружке передаст. Пока у меня ошивается, жиголо-неудачник, ха-ха-ха!

– А ты что? – спросила Чаройта.

– Ну, что я. Подкармливаю. Терплю его. Надоел. Гоню, не уходит. Все мои лечебные настойки вылакал. Запил мужик. Но он может остановиться, когда надо. Тут я за него спокойна.

Дождь резко прекратился. За стёклами кафе просветлело. По подиуму неба прогуливалось тучное облако в шортах. И тут к его ногам выкатился золотой мяч солнца. Подруги улыбнулись. Можно было продолжать прогулку.

Вечером, как всегда, припёрся Сашка. И прямо с порога заявил:

– У меня есть билеты в театр. Друг дал – занят, не может сегодня. Идём? Начало через час, успеем.

– А ты стал театром интересоваться? А, ну конечно, на халяву.

– Не подкалывай. Классика, Шекспир, вроде.

– Ладно, давно в театре не была.

И они помчались. Народу в метро – как семечек в подсолнухе. Выскочили в центре, бегом по улице, свернули в переулок, вот и театр. Успели к самому началу. Места отличные – партер, первый ряд. Только уселись в кресла, погас свет. И раздвинулся занавес.

Сцена была засыпана какими-то опилками. Из-за кулисы появился мужик в серой хламиде, он медленно волок доски. С другой стороны два мужика волокли большой мешок, долго, с трудом. Наверно, в мешке были камни. Потом кто-то потащил бревно. На Риту посыпались опилки. Она принялась стряхивать их с себя. А возня на сцене продолжалась. Вот пронесли длинную скамью из одной кулисы в другую. Было полутемно. Вдруг вспыхнули прожекторы, и высветилась куча земли. Из неё стал медленно откапываться мужик, в зал посыпалась земля, прямо на первые ряды, на Риту и Сашку. Повалил едкий дым, Рита закашлялась. Мужик вылез, наконец, из земляной кучи – он был голый. Зрители радостно взвыли и зааплодировали. Голый мужик гоголем прошёл по сцене, и скрылся за кулисами. Занавес задёрнулся, но вскоре снова раздвинулся. Сцена была сплошь засыпана черепами. Пластмассовыми. Рита удивилась: вроде, не «Гамлета» играют, а «Отелло». И оглянулась на зал. Народ с интересом взирал на это действо. Сашка зевал и почёсывался. Вдруг из-за кулисы вышел всё тот же мужик, но уже одетый. Теперь он был хаотично измазан чёрным гримом. Это был Отелло. Он прошёл в конец сцены и принялся жарить яич-

ницу на примусе. Потом он её ел, смачно чавкая. Очень медленно и аппетитно. И съел. В течение всего спектакля Отелло менял цвет. Линял, наверно. То он был чёрный, то белый, то бело-чёрный, то чёрно-белый. В конце концов он измазал Дездемоне лицо сажей, и накрыл её покрывалом. Рита всё время порывалась уйти, но Сашка её удерживал – халява, всё же, жалко. Народ бурно хлопал актёрам, которых было не много, человек пять. Рита удивлялась – до чего же отупели люди! Ушло из зала во время спектакля человек семь всего. А сама она, с Сашкой, сама-то, до самого конца эту чушь смотрела!

Потом они гуляли по вечернему городу, и смеялись над постановкой. Небо ссутилось, зашаркал дождь. И они нырнули в ночной супермаркет. Они бродили меж полок, набитых разномастными упаковками, весело болтали. Рита купила бутылку коньяка и упаковку мидий. Коньяк с мидиями – как классно!

В густом варенье ночи плавал половинкой лимона месяц. Они допили коньяк, доели мидии, им было так сладко, с кислинкой, общаться. Это была ночь откровений, и Рита разглядела Сашкину душу, севшую на мель. Утром она принялась его выгонять. Но ему хотелось продолжения. В его мобильнике раздалась какая-то дурацкая мелодия, он раздражённо схватил трубку. И лицо его стало меняться. Вообще-то, он был равнодушен к матери, не любил с ней говорить, злился.

Но сейчас, получив сообщение об её инфаркте, он расстроился. Надо было лететь в Улан-Удэ. Там у него была репутация столичного врача. Звонила двоюродная сестра. Он выключил мобильник, и пробормотал:

– Мать в больнице, инфаркт. Дай денег на самолёт.

Она дала. Он ушёл понурый. За окном высветлилось небо. Оно озарилось звонкой радугой кружев с ноткой перца. Рита заварила чай, долго пила, погружённая в раздумья. Задремала и тюкнулась носом о стол. Ой! Ну! Она вяло поднялась со стула, переместилась в комнату, бухнулась в постель, и крепко уснула. Снилось упавшее на крышу небо, прошитое стальными нитями дождя. Ночь пахла коньяком и полыньёю, и предвещала простуженное лето.

Дни плыли, наплывая друг на друга. Лето лилось то холодными дождями, то ленивым теплом, то горячими яркими днями. Рита неспешно прогуливалась в парке с Чароитой, широкой, ясноглазой, весёлой, с круглым лицом и круглой спиной, она напоминала мудрую черепаху Тортиллу из мультика про Буратино. Рита прилипла душой к Чароите, та ей напоминала бабушку. Хотя, бабушка была совсем другая, но после её смерти Риту тянуло к пожилым людям. Люди той эпохи, они же бабушкины сверстники, в них есть её, бабушкина, частичка.

Они сидели на пристани, катались на катамаранах, болтали. Вспоминали былое. Вода переливалась зеленоватым мяг-

ким шёлком, под мостом покачивались перламутровые лилии. Чароита рассказывала:

– Мой папа был крупный учёный. В доме отдыха он увидел на террасе большую – в рост человека – куклу необычайной красоты, с белоснежными густыми волосами, яркими синими глазами, розовым фарфоровым лицом, с очень тонкой талией, с потрясающей фигурой. Просто шедевр! Он очень удивился, кто её сделал, зачем она здесь? Подошёл, а кукла вдруг шевельнулась. Это была моя мама, этническая немка. Она просто сидела в глубокой задумчивости. Они познакомились. Папа был армянин, высокий смуглый красавец. Любовь с первого взгляда. Ну, и завертелось. Потом была свадьба, рождение детей – нас.

Рита крутила педали, вода плескалась возле колёс катамарана, сияя изумрудом, хризопразом, сапфиром, золотым огнём растворившегося солнца! День был жаркий. Пруд сверкал и лучился. В середине пруда вода дремала и впадала в прошедшее время. По берегу прогуливался народ, соперничая пестротой одежд с цветами на многочисленных клумбах. Рита с подругой глядели на этот подиум с высоты катамарана, было забавно. Модные в этом сезоне женские наряды шокировали своим уродством. Чароита сказала:

– Да уж. Не всегда стоит следовать моде. Носить надо то, что идёт тебе, что вписывается в твой образ. Нельзя надевать то, что навязывают.

– Но надевают же, – сказала Рита.

– Вот так и превращают народ в быдло. Ну, не всех, конечно, есть и мыслящие люди.

На пристани стояли две брюнетки с весьма объёмными задками и короткими толстыми ножками. Они выбирали лодку.

– Хороши красотки, – махнула рукой в их сторону Рита.

– Характерный типаж, – ответила Чароита. – Между прочим, им повезло.

– В чём? – спросила Рита.

– В бёдрах. Видишь, они беременны. Обе. А чем больше жировых запасов у беременных, тем выше шанс на выживание ребёнка и на его высокий интеллект. В жире полно питательных веществ.

– Ну? Разве?

– Конечно. Вообще, как тебе объяснить? Понимаешь, ведь жир в ногах и ягодицах матери необходим для строительства мозга ребенка. Нужно много жира для формирования нервной системы малыша, понимаешь?

– Ну да. Ясно. Мне это не грозит. Но всё равно интересно.

На небо стал наползать лиловый подгузник тучи. В него был заточён дождь. Рита направила катамаран к пристани.

По дорожке шли Солнцеедка с Кошатницей. Обе были в нарядных платьях. Кошатница – в вечернем, и вся в золоте. На скамейке сидела Офелия с двумя пожилыми мужиками, она кокетничала и улыбалась. Рита выскочила на пристань, помогла Чароите выбраться из катамарана. Стал накрапывать дождь. Сладко пахла черёмуха, вся в белой пене цве-

тов. Плескались звуки «Wind of change», выливаясь из прозрачных стен кафушки. Туда они и занырнули. И тут на парк шумно обрушился ливень, словно ворох шуршащей травы, ветра, деревьев. А подружки уютно устроились за столиком сбоку, заказали капучино и мороженое у Эльвиры – миловидной обаятельной киргизки с высветленными волосами. Она была не замужем, умная, деловая. Деньги посылала домой, родителям и братьям-сёстрам, их было много, младшие. Помогала родне в Бишкеке. У неё здесь был бойфренд, встречались в свободное время. Рите нравилась её стрижка – как у деловой европейской женщины, и стиль одежды такой же. Она была улыбчива, общительна. Эльвира пожелала им приятного аппетита.

– Ну и дождь! – сказала она.

– Да, ливануло, – ответила Рита.

– Я утром ехала сюда, было солнце, – сказала Эльвира. – Мне добираться два часа, квартиру далеко снимаю. Не знаете, не сдаёт кто здесь?

– Узнаю, скажу, – ответила Рита. – Вот мой сосед уехал в Улан-Удэ к матери, может, сдаст свою однушку. Вернётся, спрошу. Мать больна, за ней уход нужен, наверно, он там зачислится. Но у него здесь дело, должен вернуться на пару дней.

– Мне бы не дорого. Я много платить не смогу.

– Договорюсь с ним.

Они пили кофе, смотрели в окно, сплошь заштрихованное дождём, за которым все расплывалось и кривилось, как на

картине сюрреалиста. Лениво перебрасывались словами.

Сашка вернулся осенью. Что-то в нём неуловимо изменилось. У него умерла мать. Он влюбился в местную маникюршу – разбитную двадцатисемилетнюю девицу, любительницу крепких напитков и секса. Влюбился безоглядно, безумно, впервые в жизни у него сорвало крышу. Раньше у него были небольшие увлечения, поверхностные. А вот так экстремально – впервые. Он приехал сдавать квартиру, и Рита присоветовала ему Эльвиру. Он согласился на небольшую арендную плату. Ему было не до того, мысли все – о Ларисе, о любимой, взбалмошной, изменчивой, там, в Улан-Удэ. Она откровенно гуляла от него, но связь с москвичом повышала её рейтинг. Он потратил на неё все материны сбережения. Он звонил ей из Москвы через каждые полчаса. А она отмахивалась, ссылаясь на занятость.

День вился белой дымкой, небо было всё в белоснежных облаках, они казались сильно накрахмаленными и похрустывающими. Рита была дома, смотрела в окно, на это, такое облачное, небо. И тут раздался звонок в дверь. Глянула в глазок – Сашка. Она открыла дверь. Сашка казался похудевшим и ещё более высоким.

– Привет. Я тут ненадолго, – сказал он.

– Когда прилетел?

– Вчера.

Он скинул кроссы и привычно прошёл на кухню. Она двинулась следом, упираясь взглядом в его слишком прямую

спину. Включила чайник. И застыла, скрестив руки на груди. Молча глядела на него. В её сердце тлел уголёк. Надо бы накормить его. И она достала из морозилки пельмени. Маленькие пельмешки в прозрачной упаковке. Она разорвала целлофан, и высыпала их в кастрюлю с кипятком. Они нырнули на дно, а потом всплыли, словно мелкие белые зверьки. Она покрошила туда чеснок и бросила большой кусок сливочного масла. Посолила и поперчила, добавила имбирь. Налила ему в большую тарелку. Он ел медленно, обжигаясь, дул на ложку. Ему было очень вкусно. Она достала рюмку и бутылку настойки на золотом усе. Налила.

– На что ты там жил? – спросила.

– У матери накопления были. Пенсия по инвалидности, и подрабатывала она. Свитера вязала. Хорошо вязала, качественно, красиво. Заказов было много.

– А, понятно. Мамины денюжки потратил, и явился пополнять запас.

Он доел пельмени, вплеснул в рот водку, и достал мобильник. Физиономия его вдруг сделалась умильной и ласковой. И он заворковал в трубку:

– Ларисик, я... Да, конечно... Да, всё сделаю... Куплю... Как ты там? Что делаешь?

Рита вышла из кухни. И снова вернулась. Всё с ним ясно. У него завёлся Ларисик. У кого-то глисты заводятся, а у него Ларисик. Ну и что надо этому Ларисику? Хотя, ясно, что. Но долго общаться с Сашкой Ларисик не захотел. И Саш-

ка с дурацкой улыбкой вернулся в реальность, и налил себе ещё настойки. Он был погружён в мысли о ней, в мечты о ней, и слова его были о ней. Молодая самка и похотливый козёл, подумала Рита. Что тут скажешь? И она озвучила цитату, первое, что пришло на ум:

– «То, что мы есть сегодня,— это следствие наших вчерашних мыслей, а сегодняшние мысли создают завтрашнюю жизнь. Жизнь — это порождение нашего разума». Так говорил Будда. Я не буддистка, но он тоже, в общем, нормальный чувак.

– А ты это к чему? — удивился Сашка.

– Подумай, и поймёшь.

– Не понял.

– Плохо подумал, — хмыкнула она. И захотела что-нибудь ещё сказать ему, этакое что-нибудь, но слова распались на горькие буквы.

Она распахнула окно. И ощутила мускат летнего дождя.

– Ну ладно, ты иди, иди. Иди к себе, — стала она его гнать. — Или опять выпить хочешь? Кстати, учёные доказали, что отказ от алкоголя ведёт к ранней смерти. А ты уже всё выпил. Больше нет.

Он вдруг обиделся. И ушёл.

Осень пролилась дождями и осыпалась яркими листьями. Осень искрила солнцем сквозь капли воды, а ветер дрессировал листву. Было красиво и весело. В парке поставили новые палатки, и приехала очередная ярмарка. Рита купила ян-

тарные бусы и жёлтую шаль. Приятельница пригласила её в театр. Гастроли, из Питера, весёлый спектакль, антреприза. На сей раз постановка оказалась прекрасная: весело, ярко, с песнями и плясками. Артисты выложились по полной. Редкий случай по нынешним временам. Талантливые люди сделали великолепный спектакль. А потом приятельница провела Риту за кулисы, и она впервые оказалась в актёрской гримёрке.

Актёры были усталые, тощие. В гримёрку набились их друзья и знакомые, обсуждали спектакль, говорили за жизнь. Выпили шампанское, закусили печеньем. Им ещё ехать, артистам, поезд – в ночь. Назад, в Питер. Здесь они почти ничего не заработали – зал наполняли знакомые, друзья, в основном интеллигенция, по пригласительным. Публики обилеченной было не так уж много. Рита, разгорячённая великолепием зрелища на сцене, шампанским в гримёрке, общением с актёрами, чувствовала внутри себя огонь. Ей жаль было уходить из этого прекрасного творческого мира. Домой она вернулась в полночь. Спать не хотелось, и она до утра провалялась на тахте с книжкой, подаренной кем-то из писателей на сегодняшней актёрской тусе. Прекрасно написанная, интересная книга, выпущенная автором за свой счёт. Таковую в магазинах не купить. Там таких книг нет. Сюжет захватил и держал в напряжении до конца. К утру книжка была прочитана. Столько удовольствия за одни сутки! Спасибо приятельнице за этот вечер!

Приятельница была поэтесса, талантливая и неизвестная, книжек изданных у неё не было, все свои стихи она выкладывала в инет на сайт, и Рита их иногда читала. Особенная мелодика, ритм, ярчайшие образы поднимали Риту в облака, качали на волнах океана, окружали необычайно прекрасными ароматными цветами, погружали в заоблачное счастье. Так она отдыхала и радовалась жизни. И никакие путешествия, никакие блага не могли сравниться с сильными ощущениями от прочтения этих необыкновенных, страстных, удивительных стихов. Поэтесса не была Ритиной подругой, отношения были просто приятельские, как и со многими другими. В подруги Рита взяла лишь Чароиту.

Осень медленно переваливалась в зиму. В парке стало холодать. Рита облачилась в белую с золотистым отливом курточку и кремовую бейсболку с золотыми искорками над козырьком. А Чароита закуталась в тёплое пушистое пальто. Они медленно прогуливались вокруг пруда, прошли мимо опустевшей лодочной станции, и заглянули в стеклянное кафе. Эльвира приветливо заулыбалась им. Она уже знала – подруги хотят капучино с корицей и мороженое. И она была права.

Они расположились за столиком возле прозрачной стены, как всегда. Рита принялась рассказывать подруге про спектакль, про артистов, про поэтессу. Потом вспомнила детский утренник, на который её когда-то водила бабушка. Чароита тоже вспомнила что-то из детства. Ей было лет восемь, зи-

ма, двор, сугробы. Всё сплошь занесено снегом. И мальчишки что-то со смехом закапывают, возбуждённо орут, хохочут, прыгают, топчут и утрамбовывают это место. Чаройта подходит – что такое, что делаете-то? Отвечают – Симку закопали. Симка – это шестилетняя еврейская девочка. Папы у неё нет, а мама не от мира сего, переводчица, стихи пишет, в облаках витает, беднота-нищета. А Симка маленькая, тихая, болезненная, дети над ней издеваются. Чаройта вспыхнула как порох, раскидала в стороны мальчишек, быстро откопала Симку, уже полузадохшуюся, вытащила из-под снега, отряхнула, отвела домой, к её маме, по дороге возмущённо кричала: «Зачем ты позволяешь так с собой поступать! Не позволяй! Дерись, ори, кусайся, пинай всех, но не позволяй!» Она стала опекать эту малышку. И ещё – слабоумного мальчика из соседнего подъезда, над которым тоже дети глумились.

– Хорошо, что сейчас такого нет. Дети заняты делом. Вот, на Детском Евровидении Россию представляет такая девочка... – начала было Рита, но тут подошла пожилая дама в красной шляпе с большими полями, и влезла в разговор:

– Девочка монголоидного вида. Мне кажется, не очень корректно монголоидам представлять Россию! Да ещё петь не по-русски! Это неправильно, причём тут – в России – английский язык. Государство руки умыло, а дельцы всё испохабили. Вот в советское время такого безобразия не было. Всё было продумано. У России должно быть русское лицо и русский язык. Зачем же унижать Россию?

Рита замолчала. Подруги переглянулись. Дама высказалась, и раздражённо вышла из кафе.

– Она сидела сзади нас и слушала, – сказала Чаройта. – Мы громко говорили, увлеклись.

– Странная особа, влезла в чужой разговор, – сказала Рита.

– В нашем парке полно всяких чудиков. Вот одна моя приятельница, моих лет, чуть моложе, страшно боится транспорта. Если в метре от неё проезжает мимо малыш на самокате, она делает кенгуровый прыжок вбок, валится на газон, и диким голосом орёт проклятия, дескать, ребёнок её сшиб. Я её так и зову – Кенгуру.

– А, видела её, да, такая тощая бабка с круглой спиной, действительно, как кенгуру на слабых ножках.

– У неё много странностей. Думаю, она старая дева.

– Наш парк просто паноптикум. Я тоже много чудаков тут видела.

– Скоро пойдёт снег. Зима надвигается. Ненавижу зиму.

– Она всё равно нас настигнет.

И настигла. Снег выпал в ноябре. Сначала – на Покров, четырнадцатого октября, как положено. Но быстро растаял. А потом уже – пошёл сплошняком, воздух побелел и стал густым от частых снежинок, словно вплотную развесили кучу кисейных занавесок. Небольшой морозец захватил пространство. Через две недели стало совсем холодно и льдисто.

Прошёл ледяной дождь, застыв на ветках, и деревья стояли как бриллиантовые. Рита с подругой облачились в короткие мягкие шубки. Они не спеша брели по расчищенным дорожкам и болтали. Кто-то в чёрной куртке и капюшоне издала замахал им руками, закричал, и заспешил навстречу.

– А, это Марик, – сказала Чароита. – Милый такой юноша, трогательный, с шизофренией, инвалид. Обаятельный, улыбочивый, совсем ребёнок. Хотя ему уже тридцать. Говорит много и весьма литературно. Творческие задатки.

– Где ты его подцепила? – улыбнулась Рита.

– В магазине. У меня были тяжёлые сумки, он увидел, донёс до дома. Всю дорогу говорил. Говорун. Запомнил меня.

Марик радостно подбежал, разулыбался, принялся здороваться, заглядывая в глаза Чароите. Он не заметил, что с ней рядом кто-то ещё. Другие были ему неинтересны.

– Ну, как ты? Как живёшь? – спросила Чароита.

– Ой, я вам сейчас расскажу! – затараторил Марик.

Невысокий, темноглазый, лицо удлинённое, на подбородке ямочка. Симпатичный, в общем-то. Он заговорил без остановки, страстно. Лицо его светилось:

– Вот, понимаете? Вы меня всегда понимаете, я это сразу почувствовал, ещё тогда. У вас такие глаза! Но моя мамуля! Она так далека от Бога! Вот слышу её разговор по телефону, она говорит с подругой. Слышу: «Стеклянный шар, который приносит удачу?» – пауза. – «Надо вложить в него записки с пожеланиями, и тогда сбудется?» – пауза. – «А где его лучше

повесить, на люстру?» – пауза. – «А, на стену, где икона?» Я услышал этот телефонный разговор и не похолодел, как раньше холодел от подобных маминых слов. Ну что взять с человека, который живет в современном мире, и при этом не ходит в храм! Сначала был долгий путь к церкви, но первое же искушение оттолкнуло ее, когда мама в церковь только вошла. Сначала я подумал, что ничего маме не скажу. Но потом решил что-нибудь сказать, хотя это казалось совершенно бесполезным. Мама положила трубку, и стала варить пельмени. Потом мы с мамулей пошли гулять, было девять вечера. Деревья пригнулись к земле, притянутые к ней хрусталиками льда, облепившими ветви. Ветки стали очень тяжёлые и стеклянные. Из-за бремени обледенелых ветвей многие деревья потеряли по большому суку, или второму стволу, а многие расщепились и упали на тротуар. Но такие валяющиеся деревья уже аккуратно подобрали дворники. Мы вошли в парк. Сначала обошли вокруг пруда – на серовато-белом льду чернели два огромных искусственных лебедя, плотно обмотанных целлофаном. Да вы их видели. Они совсем как живые и похожие на каких-то колдовских. Но я их не испугался, ведь меня хранит Христос. Зато я, несмотря на то, что Христос хранит меня, испугался трактора, едущего в темноте с большой скоростью с горящими огнями, и сгребającego снег. Когда трактор поехал по аллее, раздался металлический звук. «Это он, наверное, урны сгребает», – напугала меня мама. «Он, наверное, пьяный,» – сказал я, –

«пойдем от него спрячемся». Мы вошли в аллею, загороженную кистями хрустальных деревьев. Из-за стеклянных сводов светились фонари, они были в ветках, словно в оранжевой паутине. Весь парк был сказочным, и мне было радостно. Но радостнее всего было оттого, что рядом шла мама. Я подумал, что когда мамы не будет, я буду вспоминать об этом вечере. Мы шли и смеялись. «Смотри, как эти деревья почпокались, – сказал я. Мы подошли к храму. « Смотри, деревья кланяются храму!» Два больших дерева под тяжестью прозрачно-белых веток склонились над храмом, возвышаясь над ним. Храм вечером казался коричневатым, весь в освещенном фонарем оранжевом орнаменте ветвей. Мы с мамой стали молиться: мама вслух, а я – про себя. Мама в этот раз не молилась о своих проблемах, она молилась о том, чтобы мы с ней спаслись. И я молился о том же. Не помню, помолилась ли мама в этот раз, чтобы я исцелился полностью от всех своих болезней – я уже не обращаю внимания на эту молитву и никогда к ней не присоединяюсь. Повернув назад, мы снова увидели трактор, и снова спрятались от него, так как я его опять испугался, вообразив за рулем пьяного водителя. Такое случается в наши дни. Дома я помолился, и мы пошли с мамой пить чай, было за полночь. Уже началась среда. Мясного – а у нас пельмени – и сладкого есть было уже нельзя. А мама летом сварила такое вкусное варенье: ей дали бесплатно на рынке мятые и подпорченные персики. Вкусно! Так вкусно! Мы не стали всё это есть, сре-

да началась. Мама в течение всего чаепития разговаривала по телефону с подругой, диктовала рецепты еды, говорила, где можно дешевле купить овощи. До пяти утра я не мог заснуть: то молился, то думал, и вдруг Господь положил мне на сердце слова, которые я должен сказать мамуле. По темному коридору я прошёл в ее комнату. Мама лежала в постели и читала книжку при ночнике. «Мамуля, тот колдовской стеклянный шар, который посоветовала тебе купить подруга, не исполнит твоих желаний. А сегодня мы гуляли в настоящем стеклянном шаре – мы ходили в парке по кругу, а деревья были сделаны словно из стекла, и этот стеклянный шар может исполнить твои желания, потому что в нем есть главное – храм. И Господь обязательно исполнит то, что ты просила сегодня перед Его храмом, потому что ты просила о своем и моем спасении. И это было хорошее желание». Мама стала со мной спорить, говорить, что она какое-то время ходила в храм, а её главное желание так и не исполнилось, и я не вылечился, а она об этом все время молилась, и теперь разочаровалась. А я маме сказал, что надо воцерковляться, а все остальное приложится.

– Марик, ты очень хороший мальчик, и всё будет хорошо, всё исполнится, я это знаю! – сказала Чаройта. – И мама у тебя очень хорошая, добрая, так тебя любит!

– Спасибо большое, – сказал он. – Я сейчас иду в храм, уже начинается служба. До свидания! – произнёс, и умчался. Рита с подругой пошли дальше.

– Парень явно талантливый, – сказала Рита. – Образно мыслит.

– Да. Сама искренность. Чистая душа. Пошли в кафе.

– Слегка юродивый. Пошли.

Снег под ногами поскрипывал, деревья на ветру позванивали бриллиантовыми ветками. С ними поравнялась Кошатица в песцовой шубке.

– Слыхали новость? – заговорила она сходу. – У охранника Газпрома в Москве спёрли золотой унитаз, а у уборщицы – ювелирные украшения на полтора лимона! Домушники унесли браслеты, кольца и колъе! Вот ведь наглые ворюги! Смотрела сегодня, «Москва 24», показали.

Рита с подругой вошли в стеклянное кафе, народу было мало. Они водрузились на своё любимое место возле прозрачной стены. К ним тут же подскочила Эльвира со словами:

– Привет! Как вы? Холодно сегодня, люди мало заходят. Вам как всегда?

– Да, Эльвирушка. Капучино, ну и, лучше, пожалуй, осетинский пирог, – сказала Чаройта.

– А как там Сашка? – поинтересовалась Рита. – Что-нибудь известно?

– Да, я всегда, как деньги отправляю, звоню ему. Он продал квартиру в Улан-Удэ, и переехал в Новосибирск.

– С чего бы это?

– А его подруга, Лариса, у неё там квартира по-наследству

досталась. И он тогда – за ней. Внёс деньги, дом пока строится, а он снимает.

– А почему у Ларисы не живёт?

– Она не хочет. Александр скоро сюда приедет квартиру продавать. Я его отговариваю, зачем московское жильё продавать, не надо. А он говорит: Лариса хочет открыть в Новосибирске свой салон красоты, надо купить помещение, оборудование, нанять работников. Деньги нужны.

– Совсем спятил, – вздохнула Рита.

Эльвира принесла горячий кофе в оранжевых керамических чашечках, две порции осетинского пирога, который она порезала ломтями. Звучала нежная романтическая музыка. Было светло, тепло, уютно. Подруги сняли шубки и повесили на вешалку рядом, за спиной.

– Вовремя мы пришли, смотри, снег повалил, – сказала Рита.

– Снегопад.

За прозрачной стеной стало совсем бело, словно кафушку облили сметаной. Осетинский пирог был горячий, кофе обжигал губы. Посреди кафе был длинный овальный стол, а вокруг – высокие крутящиеся табуреты, как в баре. Везде сверкали яркой глянцевой зеленью искусственные растения. Такой лёгкий летний оттенок, весёлая нотка. словно перенеслись из унылой зимы прямо в лето.

– Вот потому я и люблю это кафе, – сказала Чароита.

– Да, конечно, – поддакнула Рита. – Приятный антураж.

Тут раздался звук посторонний, диссонанс мягкой музыки. Чаройта достала мобильник. Недовольная гримаска на миг возникла на её лице.

– Ничего не слышу, я в кафе, – сказала она, и убрала трубку в сумку.

– Кто это? – спросила Рита.

– Да, вот. Так сказать, подруга детства. Как выпьет бутылку водки, такая счастливая становится, и названивает мне, делится счастьем.

– А давно дружите?

– С пяти лет. В одном подъезде жили, все время дрались. А она теперь рассказывает, что мы с ней были не разлей вода. Мама у неё была из Пскова, красавица писаная, высокая, статная, льняные волосы, ярко синие глаза. Но вредная, жадная, хитрющая. А отец – большой учёный, талантливый, добрейший души человек, щедрый, умный. Еврей. И эта вот подружка моя, она в мать пошла, в её родню. Красивая была до невозможности, девочка-картинка. У неё и прозвище было такое – Картинка. Да-а, картина маслом. Тупая и хитрая, как и мать. Жили они богато, мать не работала, всё за счёт отца. У них прислуга была. Картинка училась так, ничего не понимала, но мать договаривалась с учителями, с директрисой, подарочки всякие, и девчонка закончила школу с отличием при полном отсутствии знаний. В институт её устроили – вылетела, не потянула. Потом, по блату, пристроили её в историко-архивный, а затем и на работу в Архив, где она бу-

мажки перекладывала. Но выпивоха была, гуляка, муж бедный – любил её страшно – мучился, потом умер. И сын умер молодым. Теперь внук ей помогает, денег подкидывает, она же свою квартиру-трёшку ему завещала. А кому ещё? Больше никому.

– Как можно так жить? Она хоть понимает?

– Нет, она счастлива. У неё бойфренд есть, бурная личная жизнь. Водка и секс. И здорова, как бык, ни разу к врачам не обращалась.

– А внук пьёт?

– Ни капли в рот не берёт. Умный парень, в фирме работает, труженик. Дедовы гены.

Рита доела пирог, он был солоноват, и медленно потягивала ароматный кофе. Ей было уютно и радостно. А за стеклянной стеной завывала метель.

– И как эта Картинка? Всё такая же картинная, синеглазая блондинка?

– Ну, не совсем. Глаза выцвели донельзя, стали белые, страшные. А так – крепкая, хоть и не ходит никуда, лишь за водкой да закуской в магазин. Водку берёт самую дорогую. Говорит – сосуды чистит. Ну, ещё по гостям шастает. Тусуется. Там ведь можно выпить и развлечься. Приятелей у неё полно. А летом на даче весь день в доме сидит, или – в саду в гамаке. Никуда не ходит. Пьёт и трахается с другом. И здорующая. Вот что значит гены. Некоторым водка на пользу. Сто лет живут, пьют, и не болеют. Я знаю много таких при-

меров.

– Да-а, какая разная жизнь. А иные как начнут пить, и сразу – в могилу, – поддакнула Рита.

– Не всем на пользу. Некоторых это убивает.

– А кто её бойфренд? Молодой?

– Старше неё, бывший разведчик. Крепкий мужик, обязательный, умный, восемь языков знает. Шпарит наизусть Шекспира на английском языке, и Гёте на немецком. Играет на гитаре и поёт потрясающе. У него такой сексуальный голос!

Во дают старики! – подумала Рита.

– А осетинский пирог солёный что-то. – Чароита медленно жевала. – Или мне кажется? А, ну да, он же с солёным сыром.

За спиной раздался женский голос:

– Вот врачи советуют не ограничивать потребление соли. Её дефицит приводит к ожирению и диабету, и разрушает сексуальную жизнь.

Рита с подругой прыснули и оглянулись. За столиком сзади опять сидела пожилая дама в красной шляпе. Но шляпа теперь была надета на платок.

– Это Красная Шапочка снова нас подслушивает, – тихо произнесла Рита. – Она что, вечно здесь торчит, на этом месте?

Приятельница – поэтесса снова пригласила Риту в театр.

Вечер, мороз, ехали на такси. За окошками мелькали огни запутавшихся улиц, опушённые мягким снегом. Потом было тёплое фойе с зеркалами во всю стену, театральные коридоры с мягкими коврами и обилием фотографий на стенах, мягкие кресла зала, и яркий весёлый спектакль, антреприза, очень смешные моменты, хохотали до слёз. Обратно снова заказали такси. Домой Рита вернулась поздно вечером. Долго пила чай и смотрела телик. По каналу «Москва24» показали бомжей. Как они, бедолаги, в такую стужу? – подумала Рита. – Их очень много, и некоторые как-то выживают.

И подумала вдруг о Сашке. Как бы Ларисик не сделал его бомжем. От этой мысли её передёрнуло. И вдруг пришла на ум какая-то цитата: «Дерево ещё в цвету, но секира уже у корней». Откуда это?

Ну, на улице он не останется. Она этого не допустит. У неё же две квартиры, всё-таки.

А за окном луна оседала на мёрзлые крыши. Близилось продрогшее утро. И как-то муторно становилось на душе.

В этот день Рита долго спала. Сны были короткие, обрывочные. То она куда-то шла с поэтессой, но та вдруг исчезала на полпути, и Рита не могла вспомнить, куда они шли. Стояла в растерянности. То вдруг появлялась бабушка, она превращалась в Чароиту, они направлялись в кафе, а потом Рита оказывалась одна в лифте, который мчался по небу с бешеной скоростью, так что дух захватывало, было непонят-

но и очень страшно.

Вечером она пошла в парк. Чароиты не было. К ней сегодня пришли сын с невесткой на весь день. Сын у неё классный. В детстве – супер активный, смешной, неожиданный, много проблем с ним было, за ним только глаз да глаз. Такие казусы случались! Учился хорошо. Сейчас в фирме иностранной работает, и его жена тоже. Рита их видела в парке – худощавые, высокие, в джинсах, с короткими стрижками густых тёмных волос. Очень гармонично смотрятся. Симпатичные такие. Внучка и правнучка тоже часто навещают Чароиту. Тоже в фирме работают, но в другой. Все они – деловые, красивые, любящие. Чароита купается в этом солнечном океане любви и заботы. И все её материальные проблемы решены. Рита очень радуется этому. Как замечательно, что всё так классно!

Она накинула шубку, и вышла в парк. Вечер был хорош – лёгкий морозец, нежный сиреневый в сумерках снег. Красота, арбузная свежесть! Почему зимний вечер пахнет арбузом? – думала Рита. Медленно, с наслаждением, шла она по знакомым дорожкам. Кто-то с ней поравнялся, поздоровался, схватил за рукав. Рита удивленно остановилась. Это была пожилая дама в шляпе и енотовой шубе. Рита уже видела такую шляпу. Хотя, шляпа была другая, шерстяная, плотная, но тоже красная и с полями. Красная Шапочка, – узнала её Рита.

– Ну и что вы думаете обо всём этом? – заговорила дама. –

Вы же слышали, вы же смотрите телевизор, у вас же есть интернет?

– Вы о чём? – не поняла Рита.

– Ну, как вам эта акция, направленная на выявление девочек до шестнадцати лет, лишившихся невинности? И беременных девочек, и сделавших аборты? Как вам это?

– Что? – растерялась Рита. Да, она что-то слышала, видела сюжет, что-то министр здравоохранения и полиция вместе затеяли, но она так была погружена в свои мысли...

– Вот-вот, – кипятилась Красная Шапочка. – Это ж такое открывается благодатное поле по вымогательству, получению рекордных показателей «раскрываемости преступлений», а с ними новых званий, звездочек и должностей! И не только! По некоторым сведениям, этих лишенных девства школьниц планируется вызывать на губернаторские приемы, на полицейские дискотеки и карнавалы!

– Девочкам будет очень весело, – сказала Рита. – Я бы тоже хотела, карнавал на халяву, классно! И там столько самцов!

– Да что вы такое говорите, как вы можете, какой цинизм! – вспыхнула Красная Шапочка, и лицо её сравнялось с цветом шляпы.

Она отскочила от Риты, и быстро зашагала вперёд, свернув на другую дорожку. Рита смотрела на её нервно удаляющуюся спину, и хохотала.

Дни бежали чередой, друг за дружкой. Вот уже и ноябрь

промчался, и декабрь погнался за январём, но не успел догнать. Рита снова шла по замёрзшему парку, прислушивалась к голосам ворон, к поскрипыванию снега под ногами, к разнообразным звукам, приглушённым плотным морозным воздухом. На скамейке громко болтали два парня с железными пивными баночкам в руках. Парень в капюшоне говорил:

– А я лично наблюдал Лунтика, и без всякого бинокля! Даже пообщаться с ним пытался, но он кричал какую-то ерунду, нагадил мне под столом, и сиганул обратно на Луну.

– Это после какого стакана? – интересовался друг.

Рита усмехнулась, и пошла в сторону стеклянной кафешки. Там её ждала подруга.

Чароита сидела на их обычном месте и беседовала с Эльвирой. Лица у обеих были серьёзные.

– Рит, ты представляешь! – сказала Чароита, едва она подошла к столику. – У Сашки твоего умерла подруга, маникюрша его.

– Лариса?

– Да, – подтвердила Эльвира.

– Она же молодая! Что случилось-то?

– Остановка сердца.

– А, во как! Вообще, это сейчас сплошь и рядом. Люди мрут. Причём, внезапно.

– Много молодых умирает.

– Александр убит горем. Говорит, жить ему не хочется. Я его успокаиваю, говорю, что ж теперь делать, надо жить даль-

ше, а он... Дом его уже построен, надо переезжать в свою квартиру из съёмного жилья, а он... Ой, ну ладно...

И Эльвира побежала к стойке, у которой уже маячил мужчина в зелёном пуховике.

– А жизнь – это всегда зона риска, – горько изрекла Рита.

Ей вдруг показалось, что воздух этой небольшой кафешки стал густым, как кисель, и с очень странным запахом. Чем это пахнет? И подумалось вдруг – твёрдым знаком. Почему-то. Да нет, это запах Сашкиного отчаяния, запах его ухода из этой жизни. Он не может без любви, такой сильной, единственной, экстремальной, потрясающей... Он уходит за ней следом... Подруги медленно потягивали горячий кофе, иногда поглядывали в прозрачную стену, за гранью которой угасал день. Смотрели в проём чернеющего дня, и вяло перебрасывались словами. Душа Риты скулила, словно собака Баскервилей в болотной трясине. Она листала блокнот памяти, и... и...

И не было слёз.

А потом декабрь как белый пароход причалил к пристани с названием Новый Год. И это была днюха Чароиты. Ровно восемьдесят пять лет назад её мама сделала такой новогодний подарок её папе – она подарила ему вторую дочь. Такую яркую, ясную, долгоиграющую дочь, с мощной такой харизмой.

Выюга закрутила белоснежным штопором небо, воздух,

дома, улицы, прохожих, машины. А Рита с подругой уютно и тепло, в мягких креслах, в кабине иномарки мягко двигались в этом снежном безумстве. За рулём сидела хорошенькая Чароитина правнучка. В салоне звучала тихая музыка, пахло летом, цветами – отдушкой для машин. Подруги распахнули шубки, скинули шапки.

Вечеринка Новый Год + юбилей (восемьдесят пять лет Чароите) проходила в большой пустой гостинице. Хозяином гостиницы был кто-то из многочисленных Чароитиных друзей. Пространство было украшено живыми цветами. Да ещё гости пришли с огромными букетами. Всё вокруг цвело и благоухало. И звучало. Музыка, вирши – многие написали стихи имениннице. Роскошный обильный стол был во всю длину залы. Не все были знакомы, и Чароита представляла их друг другу. Здесь были люди разных поколений, даже пятилетняя девочка – праправнучатная племянница, симпатичная, смышлёная, бойкая. Огромная ёлка сияла огнями, сверкала игрушками. Вдруг зазвенели колокольчики, и на велосипеде в зал въехала Снегурочка. За ней вприпрыжку бежал Дед Мороз и орал:

– Эй, внучка, стой!

Сам он был на вид очень молод, а вот внучке было лет за пятьдесят. Все расхохотались. Потом явился Звездочёт, он волок огромный мешок, но не доволок – тонкая ткань провалась, и на пол высыпались разноцветные подарочные пакетики, чем-то наполненные.

– Народно, налетай! Хватай! Всем – подарки! А самый главный подарок Снегурочка сейчас вручит юбилярше нашей дорогой!

Все стали собирать подарки, Рита – тоже. В пакетах были конфеты вместе с небольшими смешными мягкими игрушками. И вот началось застолье, сменяющееся танцами, шутками и байками Звездочёта, Деда Мороза и Снегурочки. В общем, сплошное веселье. Чаройта познакомила Риту с подругой детства – Картиной. Той на вид было около шестидесяти. Рита удивилась её молодости. Ей же восемьдесят пять! А так выглядит! Крепкая блондинка в коротком блестящем платье, не худая и не толстая, в самый раз, с хорошими пропорциями тела, слегка скуластая, с кошачьим разрезом глаз, но уже выцветших и белёсых. Со следами бывшей красоты. Она много пила, громко говорила, хохотала, и вдруг упала. Её отвели в комнату и положили в постель. Веселье продолжалось. Рита разговорилась с одной из молоденьких родственниц Чаройты. Та попросила проводить её в туалет. Но вскоре она с испуганным видом вбежала обратно в залу.

– Что случилось? – спросила Рита.

– Там голая баба влетела и как заорёт на меня: «Что ты тут делаешь, пошла вон!» Такой шок! Такой шок! Я с унитаза свалилась.

– Что за голая баба? Сейчас гляну, – сказала Рита.

Никого не было. Безлюдно в закоулках длинного коридо-

ра. Рита стала заглядывать в номера. В одном из них лежала в постели голая Картинка и улыбалась. Рита закрыла дверь и вышла. Вернулась в зал. Молоденькая родственница Чароиты, высокая, плоская, с длинными светлыми локонами и карими глазами, сидела в кресле, уставившись в смартфон. Рита глянула на экран. Интернет, а, что она там смотрит? Толпа людей клубится и орёт, голос диктора вещает что-то про митинг против коррупции, про то, что собралось пять тысяч человек. Шум, полиция лупит людей, хватает и тащит. Голос за кадром:

– До Нового Года осталось всего три недели, а они митингуют! Совсем дошли до ручки. Это плохо кончится. Полиция хватает людей, заталкивает в автозаки и избивает. Пожилой активистке полицейские выбили зубы...

А, новости трёхнедельной давности! Нашла, что смотреть. Рита отошла, ей было радостно и легко. Праздник, шутки, смех, вкусняшка на столе! Но в самый разгар веселья вдруг появилась голая Картинка, уселась на стул, нога на ногу, и потянулась за водкой. Налила, выпила залпом, снова налила и выпила. Чароитина правнучка отвела её назад в номер и принялась одевать, но та сопротивлялась. Казус какой-то. Картинка вырвалась, и опять явилась в залу. Она была в одних трусах, на плече болтался тонкий полупрозрачный бюстгальтер. Её снова увели. Праздник уже закончился, официанты убирали со стола, а Картинку всё никак не могли одеть. Наконец, свершилось! По лицу её блуждала довольная улыбка.

ка. Её повёз домой красивый молодой мужчина, родственник Чароиты. А юбиляршу с Ритой возвращала в родные пенаты снова Чароитина правнучка.

– А как твои дела с женихом? Свадьба-то когда? – спрашивала Чароита девушку.

– Уж и не знаю даже, – ответила та. – Всё сложно.

– Что так?

– Он сказал, что я не Ангел. Я ответила: если хочешь, чтобы я была Ангелом, организуй для меня Рай. И не будь жадным. Жадность – лучшее средство от женщин.

За окном продолжала свирепствовать метель. Снег метался, крутился, взлетал и падал, замаячив всё вокруг. Авто-дворники с трудом очищали лобовое стекло иномарки. За сплошной белой пеленой с трудом просматривалась дорога.

Горел в снегах ясноглазый январь. Солнце стекало со стен домов, впадших в кому, и покрывало лёгкой позолотой всё вокруг. Рита с подругой подставляли солнцу лица, улыбались. Они шли по тропе меж деревьев, окутанных снегом словно сладкой ватой. Сбоку мелькнула серая тощая белочка. Пробежала по тропе, исчезла за небольшим сугробом, и вдруг появилась на стволе дерева, замерла, задумалась. Увидев подруг, она быстро поскакала вверх и скрылась. Где-то хрипло завопила ворона.

– Раскаркалась, – сказала Чароита. – Голос, как у некоторых эстрадных певцов.

По дорожке слева медленно брели двое – Марик и высокая худая женщина с немолодым усталым лицом. Они громко говорили о чём-то своём.

– Марик с мамой. Несчастные. Бедствуют. Когда Марик родился, его отец был уже далеко не молод. Журналист. Умер, когда мальчик был ещё совсем маленьким, – сказала Чаройта. – Да, всё хотела тебе рассказать, и забывала. Представляешь, звонит мне Каринка, Каринища это пьяная, и таким счастливым тоном говорит, что познакомилась на очередной тусовке с парой пожилой, муж ей очень понравился, а у жены рак. Вот Каринища и говорит мне, что ей очень уж мужик этот нравится, и когда его жена умрёт, она его схватит и женит на себе. Да, она это сделает, верю. Она сказала: давно я что-то замужем не была, надо снова сходить. Во даёт!

Подруги расхохотались. И свернули к стеклянному кафе. Оно пустовало, посетителей не было. На крыльце хмуро курила Эльвира.

– Привет, – сказала Чаройта, – как дела?

– Плохо. Весь день простаиваю. Народу почти ничего.

– Не расстраивайся, мы идём к тебе.

– Как же не расстраиваться, – ответила она. – Такой ужасный день. Александр умер.

– Как умер? – опешила Рита. – Что такое?

– Ужас, – сказала Чаройта. – Молодой мужик, здоровый был.

Эльвира принялась рассказывать:

– Я ему звоню, значит, говорю, Александр, деньги я вам послала. А он таким слабым безразличным голосом. Я спрашиваю: Александр, вы переехали на свою квартиру? А он так тихо, слабо, отвечает: нет. Я спрашиваю: почему, ваш дом уже построен, что вы не переезжаете? А он: вещи надо собрать, у меня рука болит. И голос такой слабый, больной. Я говорю: вам плохо? Вызовите скорою. А он: зачем? Вечером я снова, значит, звоню – не отвечает. Я ему звонила каждый день, он не отвечал. А сегодня звоню – ответил чужой голос. Полиция. Соседи вызвали – запах. Позвонили хозяйке квартиры, та пришла, открыла дверь, а там Александр мёртвый в кресле сидит, уже разлагаться начал.

– Да ты что! – выдохнула Чаройта.

На дереве дрались и дико орали вороны. Они вырывали друг у дружки полуразодранную белку. Парк словно омут затягивал внутрь себя солнечные блики. Небо было такое ясное, холодновато голубое, с подтаявшими облаками. Поднялся ветер.

Такое голубое небо, – подумала Рита. – Вон два облака. Ползут куда-то. А, это ветер их пасёт. Сашка умер. Жил, любил, и умер. А ветер пасёт облака.

Где-то раздались звуки взрывов. Это были новогодние петарды.

– Понятно, почему кафе пусто, – сказала Чаройта. – Народ весь в центре парка, там праздник.

Там действительно всюду шёл праздник. Под огромной,

сверкающей шарами и мишурой ёлкой бегали с весёлым визгом дети. На эстраде радостно вопил в микрофон певец в блестящем пиджаке. Вокруг толпился народ, и Дед Мороз в красном прикиде с золотыми снежинками (почему не с серебряными?) помахивал декоративной витой тростью. Народ был хмельной и счастливый. В руках у многих – баночки с пивом, с энергетическими напитками. Кто-то разливал по пластиковым стаканчикам водку и угощал друзей и всех, кто оказывался рядом. Кто-то плясал возле эстрады. Снег, ещё не затоптанный между деревьями, неистово блестел на солнце. Пахло шашлыками – их жарили на мангале возле палаток, выстроившихся вдоль дорожек. Там торговали ещё и медовухой, пирогами, и прочей вкуснотой. А в других палатках продавались игрушки, шали, свитера, красивые вязаные варежки с шапками и шарфами, расписные самовары, и много всякой всячины. Всюду торчали пластиковые столики, люди с аппетитом поглощали шашлыки. Дух веселья и счастья витал всюду. Из огромного тульского самовара всем бесплатно наливали чай. Это была реклама листового чая. Над окошком палатки красовалась огромная фанерная подкова с гигантскими буквами: «Великая Россия – счастливая страна!» Вообще, праздников в счастливой стране было много.

Звёзды – косточки в плоти неба

Экстрим-мини-роман

Облако такое мягкое, светлое, пышное, так классно лежать на нём, в нём, среди него и плевать в небо вишнёвые косточки. Вкуса вишни она не ощущала. А косточки взлетали вверх, и плоть неба втягивала их, и они становились звёздами, яркими, сияющими такими! И всё было так просто и естественно, и даже в голову не приходило, что это сон! Ей было хорошо и легко, и уютно, и она верила всему этому. Конечно, верила. Она была в гармонии со своим именем. Она же Вера! Но как нагло выбил её из сна вопль мобильного! Душа рухнула в тело, и Вера очнулась в постели, на смятой простыне. Она вяло взяла трубку с прикроватной тумбочки. Но не сразу поняла, что это за голос и что он ей вещает. Сознание постепенно прояснилось, и она узнала тембр Дениса и услышала остаток его речи:

– Ты красивая женщина, а я всё-таки живой мужчина...

Она вяло сострила:

– Я догадывалась, что ты живой мужчина, почему-то мёртвые мужчины со мной не общаются. Странно, правда?

Он хмыкнул. Идиот. А такая ночь была! И она вдруг сказала:

– Ночь исповедима...

– Вот и я о том же! – оживился он. – Знаешь, и не только ночь, я хочу подать тебе кофе в постель утром.

Ну что за пошлость! От возмущения вся сонливость слетела.

– Я вообще кофе не пью, тем более в постели! – резко ответила Вера.

Её коробило от самоуверенности этого холёного мажора, от широкой фальшивой улыбки его щёки уже наплывают на глаза. Ему лет тридцать. Тридцать пять на вид. Она подумала о себе. Бабуля по утрам с дымящейся кастрюлькой: «Вера, кушай грешную кашу, в ней железо, польза организму». Это она юморит, изображает деревенскую соседку Клавку. Гречка, фу! Гадостная каша. Но ради бабули она её впихивает в себя. А ба бубнит, как всегда, что Вере давно уже пора замуж, что её мама в сорок лет уже взрослую дочь... Если бы дожила... Она бы... И так далее.

– Ну, так как насчёт ночи? – прервал её размышления Денис. – Начнём сегодня днём?

Она аж поперхнулась. До чего же примитивный тип! Только секс на уме. И чего пристал? Ну, ща скажу.

– Многие люди ходят с трупом внутри себя. И даже не замечают, что их духовный мир покончил жизнь самоубийством, – произнесла она мрачным тоном.

Денис захохотал. Придурок. Нет, она отнюдь не против секса. Главное – смотря с кем, как и зачем. Конечно же, нужны чувства, интерес к личности, что-то неординарное, яр-

кое, волнующее, и родство душ желательно. Не с тупым же самонадеянным идиотом совокупляться. Он даже не тратит время на элементарные ухаживания, хочет взять измором. Несколько походов в рестораны и в театры на дурацкие новомодные спектакли, цветочки и конфеточки – это такая ерунда, это не считается.

Да и познакомились они совсем неинтересно. В огромном супермаркете она выбирала себе цветы в горшке, каланхоэ цветущий, ей нравилось и в розовых соцветиях, и в оранжевых, и в солнечно жёлтых, стояла и думала. Тут подошёл невысокий коренастый парень, круглолицый, черные волосы – в хвост, прищурился весело, сероглазо, и... А, чего тут вспоминать. Словом, обыденно, неинтересно, магазинное знакомство, зацепились языками, обменялись телефонами – он протянул визитку... Богатенький балбес. Она просто не сразу разобралась в нём. А теперь вот он её достаёт. А послать его, обрубить концы одним махом она не может. Обидеть человека? Нет же!

Бабуля опять пристанет – кто звонил, зачем и почему? И Вера скажет. А ба снова начнёт своё – вот, ты всех женихов разгоняешь, на тебя не угодишь, у тебя плохой характер...

Да нормальный у меня характер, думает Вера.

Просто она не такая лохушка, какой была её ма. Мамы уже нет. Не свяжись она с этим москвичом, её папашкой, была бы сейчас жива. Жили бы они себе в деревне – бабуля, мама, и она, Вера. Ну, сначала так и было. Но мама сильно горева-

ла. И нагoreвала себе – скоротечный рак и смерть. А Веру потом уже отец забрал к себе, когда от него жена ушла. Вера была уже подростком. И бабулю взял, чтобы вела хозяйство. Своих детей у отца не было. Он был неплохой, просто чуждый, и к тому же вечно занятой. Домой приходил поздно. На выходные исчезал куда-то. Ну, ясно куда – в клуб, играть в теннис, потом ещё куда-то. С Верой общался формально. У него была видимость семьи. Ему это зачем-то было надо. После его смерти квартира досталась Вере с бабулей. Бывшая жена не претендовала – она давно уже жила в Канаде с очередным мужем.

– Ну, так как? – прервал её размышления Денис.

– Слушай, отвали, а? Чо пристал? Чо надо? Почему я?

– Отвалить чо? – передразнил он.

– Сгинь навсегда. Неужто не ясно? Ты мне не нужен.

– А ты мне нужна. Люблю миниатюрных шатенок с большими грустными глазами. А таких янтарных, ярких глаз, как звёзды, ещё не встречал. Такие радужки, удивительно! Такие плавные линии тела, тонкого, ты узкая как змейка. И характер у тебя змеиный.

– Ну да, я змеюка. Гадюка ядовитая, бойся меня.

Он опять расхохотался. И продекламировал:

– «Ты – женщина, и этим ты права». Это Брюсов, если ты в курсе.

– А если ты в курсе – «маразм не оргазм». Игорь Губерман, хорошо сказал, да? – парировала она, и выключила мо-

бильник.

Надо поставить его в чёрный список. Хотя, нет, пусть звонит.

И тут вдруг она поняла, что ей нужны его звонки. Они злят её, бесят, вызывают прилив адреналина. А они нужны ей.

За окном бушевал ветер, но было весьма тепло, несмотря на начало апреля. На деревьях уже распустились почки. На Пасху бабуля собралась ехать в родную деревню, в Пригореловку. Она всегда жила там с Пасхи до осени, до первых холодов. Вера там давно уже не появлялась. Даже в отпуск. А чего там делать? Дрова рубить, печку топить, воду из колодца таскать, огород обихаживать? Нет уж, это – для бабули, она это любит. А у Веры и здесь есть дела, работа в ООО – справки, визитки, ксерокс, факс. Работа не пыльная, это всё по ней, да. Платят, правда, не так уж чтобы, ну ничего, им хватает. Зарплата плюс бабулина пенсия – и нормально. Бабуле уже за восемьдесят, но она бодрая, крепкая, деловая. И выглядит намного моложе своих лет. Лицо персиковое, морщинки мелкие, незаметные, сама крепкая, статная. Вера не в неё пошла. В дедову породу, у того вся родня мелкая. Бабулю звать Любовь Андреевна, а маму звали Надежда Алексеевна. Имена святых. Бабуля верующая, всех крестила – и маму, и её, Веру. И двоюродную сестрёнку Агапию. Гапу. С Гапой Вера иногда болтает в скайпе. Та однажды гостила у них здесь. Тоже мелкая, волосы пепельные, глаза светлые, кожа

блеклая. В общем, бледная немочь. Ей семнадцать. Неинтересная внешне, худосочная. Окончила сельскую школу, сидит себе в деревне, с огородом возится, родителям помогает. Сонная душа. Вяло пересказывает в скайпе деревенские новости: на соседней улице изба сгорела, старуха Машка-самогонщица ночью зарубила топором алкаша Ежа, бешеная лиса покусала деревенских собак, и Санька Валюкин их отстреливал... И всё в том же роде. Ничего не меняется в родной деревне. Глушь да дикость. Ей было пять, когда мамы не стало. Ма работала в соседнем посёлке в библиотеке. Дачники жертвовали в библиотеку свои книги. Посёлок большой. Дачников там много. И книг тоже. Часть ма приносила домой. Вера читала запоем. Она рано начала читать. А бабуля до пенсии работала в том же посёлке учительницей. Там у них есть дальняя родня. Иногда ма и ба брали с собой Веру, когда отправлялись туда – дорога полем, песок набивается в сандалики, жухлая трава по краям дороги, пригорок, перелесок, поле со льном, синенькие мелкие цветочки, долго идти, устала, мама берёт её на руки... Ну не так уж и далеко, всего два километра. Тёплый легкий воздух, много запахов, свежесть. Но всё равно Вера не любит деревню. Её душе там тесно.

Вера иногда пыталась понять, а почему их деревня называется Пригореловка? Там что-то пригорело? Пироги пригорели у бабы? Или деревня была при горе? При горе ловко построена, потому и Пригоре=ловка? Или ловили при горе

кого-то? Или горе горькое, и при нём лавка («а» со временем сменилась на «о», вышло «ловка»). Она спрашивала у всех местных, но никто не знал. Не знали и бабуля с мамой. Все только удивлялись её вопросу, качали головами, и отвечали: «А неведомо, да нам без разницы». Но гора там была, правда, не очень большая, бурьяном поросла и травой высокой, туда порой козы убегали, да дети лазали играть. Вера с подружками тоже туда раз как-то продиралась сквозь бурьян, жгли костёр, там водились крупные кузнечики, девчонки наловили их, пожарили и съели – играли в заграничный ресторан. Была у неё подружка Санька, весело было играть! Потом их изба сгорела, никто не выжил, ночь была. Вера так горевала, жутко истерила. А бабуля сказала, что все они теперь в раю. И повела Веру в церковь. В деревне есть церковь новомученика Симеона Святогробца, которого зверски убили в 79-ом, и какой-то богатый подвижник в 97-ом выстроим в их деревне храм в честь того святого. Он провёл интернет, наладил сотовую связь. Надарил деревенским дешёвые мобильники. Местные все были в полном восторге! И принялись азартно осваивать интернет. Себе он здесь такой дом отгрохал! Единственный дачник в их деревеньке, генерал и бизнесмен, большой чудак. Это было тогда ещё, в те времена. Вера тогда уже жила в Москве. Но ездила с бабулей в деревню летом.

Деревенские детские подружки потускнели в её памяти, вытиснились московскими подругами. Произошла замена.

В принципе, вовсе это не подруги, а приятельницы, коллеги, Даша и Маша – обе рослые, массивные, два этаких бегмота широкоплечих и широколицых с короткими волосами. Однотипные. У Маши волосы как тонкая бесцветная леска, стрижка – очень короткое каре, а у Даши на большой круглой голове – ёжик разноцветный: пряди рыжие, белые, жёлтые, розовые. Маша – с плоским как доска задом и длинными куриными ногами, у Даши зад чемоданом, а ноги – кеглями. Животы торчат как мешки с картошкой. Вера рядом с ними словно дитя, школьница младшего класса. Даша – экономист, ведёт бухгалтерию фирмы, а Маша – секретарша и начальник отдела кадров по совместительству. Ещё у них есть охранник Олег – высокий качок, бывший боксёр, который не упускает случая шлёпнуть по «чемодану» Дашу, он её ласково зовёт «лунозадая» (наверно, луна ему видится квадратной). Даша от этого млеет. И президент фирмы Роман Григорьевич – лощёный, длинноногий, бритоголовый, с высокими темными бровями и густыми ресницами. Он подобрал себе команду ровесников. Всем им по сорок – сорок пять. Вот и все сотрудники ООО «Ясюкям». Что означает название фирмы, никто не знает. Просто это слово как-то внезапно нарисовалось в воображении Романа Григорьевича, откуда-то из Космоса залетело, так он пояснил.

Вскоре бабуля уехала в деревню, и Вера осталась одна. Хорошо живётся без «грешной каши» и без наставлений. Но всё-таки бабули не хватает. Время летит быстро. Вот уже и

юбилей фирмы на носу – десять лет со дня основания. Корпоратив в небольшом ресторанчике грядёт. Вера прошвырнулась по магазинам в поисках приличного прикида. Нужно что-нибудь вечернее. Ей понравилось узкое чёрное платье макси с большим разрезом на юбке, почти до трусов, и с очень открытой спиной. Она долго мерила, всё раздумывала, дороговато что-то, но в конце концов купила. Туфли и длинная нитка жемчуга у неё есть. Классика. Дома снова примеряла, долго вертелась перед трельяжем. Эффектно и эротично! Правда, спина не очень-то привлекательная, просвечивают рёбра и позвоночник, лопатки торчат словно крылышки цыплёнка. А, ладно, сойдёт. Главное, общий вид хорош, гармонично, и она кажется выше ростом. Надо продемонстрировать Маше-Даше, интересно их мнение.

Она включила мобильник. На экране желтел конвертик. СМС. Она нажала клавишу, СМСка была от Дениса. Первая СМСка от него, забавно: «Звонки тебя будоражат, так вот письмо от тупого придурка: С пятницей и ...с днем облачных слонов. Подними голову в весеннее небо и обрати внимание на облака. Это же просто чудо какое-то! Целые стада облачных слонов весело путешествуют в голубом просторе, подставляя округлые бока теплым солнечным лучам. Они то бегут бегом на крыльях ветра, то застывают на месте, задумавшись о чём-то своем, слоновьем, то разбредаются по небу небольшими группами, приветливо покачивая хоботами... Они бывают самых разных мастей: молочно-бе-

лые, серые, почти черные, нежно-розовые, пурпурные, золотистые – столько оттенков и не снилось обычным земным слонам. Их путь никогда не кончается. Кажется, вот опустело небо, только солнце в лазурной выси. Ан нет, пробирается по краю горизонта одинокий припоздлившийся слон, философ и мечтатель. Такой похожий на меня, такой причудливый, фрик...»

Ого! Во как вдруг, ну даёт! Неужто влюблён? – мелькнула мысль. Это Вере польстило. Но тут же червячок недоверия стал подтачивать душу. Нет, вряд ли. Просто, наверное, нашёл в инете где-нибудь, и послал ей. Хочет казаться таким романтиком, таким возвышенным и особенным, чтоб затащить её в постель. А как только удовлетворит свой сексуальный аппетит, приестся ему всё такое, и захочет он разнообразия. И всё. Конец отношениям. Знает она уж, проходила, было такое. Случалось. Любовь, разочарование, вспоминать не хочется, боль и отчаянье. Трудно было от бабули скрывать, ссылаясь на усталость и большую нагрузку на работе. Если бы не это, впала бы в депресняк... Бабуля варила кофе, пекла любимые Верины пирожки с изюмом, жарила картошку с грибами, гладила по головке и уговаривала бросить эту распроклятую работу и найти другую, полегче. Милая добрая заботливая бабулюшка! А Вера мучилась, душу жгло словно калёным железом и рвало на мелкие частички, Вера ненавидела и проклинала всех мужиков на свете – и отца, из-за которого так рано умерла её мама, и любимого, который

так жестоко расстался с ней. Это был уже второй, бросивший её. Первый был давно. Он её и не любил, наверное, просто так болтал про чувства, секса хотел с малолеткой. Ей было шестнадцать, первая её любовь, первый её мужчина, ему – двадцать, дембель. Витька, длинноногий, широкоплечий, мускулистый, поджарый, кареглазый, бритоголовый. Как она его любила! Как им было хорошо! Безумные встречи после школы, у неё просто крышу снесло тогда! А потом – страшная трагедия, жуткое горе, когда случился разрыв с ним. Депрессия. Она целыми днями лежала лицом к стене, прижимая к груди пушистую игрушечную собачку, которую ей подарила бабуля в детстве. Собачка для слёз. Когда умерла мама, Вера, пятилетняя, валялась на печке среди одеял и редела, уткнув лицо в собачку Маську. Синтетическая Маськин мех драл кожу, воспалённую от слёз. Потом Вера подарила Маську двоюродной сестре Гапке, с которой она иногда болтала по скайпу. Гапка, Агапия, вдруг стала комплексовать, что-то в школе у них там в посёлке случилось. Она влюбилась в мальчика, а он спросил: «Как твоё полное имя, что ли Гарпия? Знаешь, кто такие гарпии, ха-ха-ха!!!» Гапка так рыдала! Несчастная маленькая дурочка. Миниатюрная, как и Вера, тощенькая, волосы цвета пыли, бледненькая, такая былиночка белесая, лесной цветочек мелкий. Жалко её. Вот, тоже сильно страдала от любви. И Вера отдала ей самое дорогое – Маську. Правда, потом забрала назад. Пушистая игрушка, пропитанная слезами. Вера её очень любила, расчё-

сывала, на шею ей цепочку золочёную надела. Днём Маська восседала на столе возле ноутбука, а ночью спала с Верой в постели. Нежная, ласковая, такое облачко пушистое, утешительница, и спящая Вера прижимала её к щеке.

День выдался суетный. Маша с Дашей занимались шопингом. Приятное это занятие, интересное и весёлое. Женщины радостно сновали по торговым центрам, примеряли, обсуждали, спорили. В одном магазине они купили симпатичные лосины – Маша золотого цвета, Даша – телесного с блёстками. В другом месте увидели просторную изумрудную тунику, как раз их размер, всю усыпанную фионитами. Но она была одна такая. Женщины долго приставали к продавцам, чтобы нашли вторую, но увы – нет другой подобной, и не предвидится. Маша с Дашей впихнулись в примерочную, им было тесно, плотные тела заняли всё пространство. Но они ухитрились раздеться, и по-очереди примерили тунику. Обеим женщинам она подошла.

– Я её беру! – заявила Даша.

– А почему ты? Я сама хочу её купить! – вскрикнула Маша. – На мне она лучше сидит!

– Сидит она так же, как и на мне! Но я её первая увидела! – повысила голос Даша и мотнула своей большой башкой с пёстрым ёжиком густых жёстких волос.

Обе женщины, по пояс голые, схватились за рукава туники. Даша пыталась вырвать её из цепких рук Маши.

– Моя, моя, мне подходит подо всё!

– И мне тоже! У тебя же есть, у тебя таких восемь, а у меня всего шесть! Отдай!

– У меня совсем не такие, да и у тебя тоже. Ничего похожего!

– Но ты же моя лучшая подруга! Ты мне как сестра!

– Вот и я то же самое говорю! Мы – астральные сёстры! Неужели ты не уступишь мне, самому близкому человеку! Мы так похожи, у нас одна судьба, нас обеих бросили мужа, мы... мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.